

Академические банды¹

Томас Дж. Шефф

Криминологи предполагают, что поведение членов молодежных банд можно понять, изучив «законы улицы» [1]. Эти законы – суть свод неписаных правил, которому следуют все члены банды, и который способствует удовлетворению их материальных и эмоциональных потребностей. В настоящем эссе предпринята попытка описания законов академической среды, неписаных договоренностей, существующих в бандообразных группировках профессуры, которые функционируют с целью удовлетворения потребностей последней.

Большинство ученых так или иначе принадлежит к одной из групп, под названием «научная школа» или специальность. Например, большая группа психологов называет себя «бихевиористами», эти ученые верны воззрениям и принципам бихевиоризма, которые объединяют их мысли, чувства и поведение. В дополнение к членству в специальностях, ученые также являются членами таких супербанд или кланов как «дисциплины». Кланом для банды бихевиористов, например, является дисциплина «психология». Дисциплины – самые могущественные образования в университетах, представляющих собой в большинстве случаев не федеративные системы, а конфедерации суверенных дисциплин. Хотя и существуют ученые, не принадлежащие ни к одной банде, все они принадлежат к какому-либо клану; в любом случае учеба и работа чаще всего осуществляется на факультете, который относится к той или иной дисциплине.

Исходя из того, что законы академической среды формируются условиями современной университетской жизни, мне представляется, что эти законы имеют отношение ко всем дисциплинам, «строго» научным, «мягко» научным и ненаучным. Хотя пропасть между точными и естественными науками и науками социальными чрезвычайно велика, законы и практики и тех, и других одинаковы. Благодаря схожести факультетской жизни и бесконечной работе в университетских подразделениях, которая преследует каждого профессора днями и ночами, факел банды и клана передается большинству ученых.

Подобно тому, как уличные банды зарабатывают на жизнь при помощи воровства, ученые получают доходы от карьеры, которая в значительной

1 Scheff, T. J. (1995). Academic Gangs. Crime, Law, and Social Change, 23: 157-162.

степени зависит от того, являются ли они преданными членами банд и кланов. Разумеется, успех в научной карьере невозможен без упорной работы, однако демонстрация своей принадлежности к банде и клану может естественным образом дополнить или даже заменить в этом отношении талант и ум. Явная и многократная демонстрация верности этим группам может быть чрезвычайно полезна при получении гранта и подаче статьи на публикацию.

Зависимость между членством в банде и карьерой вполне очевидна для большинства ученых. Случаи, когда карьерный рост является результатом только оригинальности или значимости научной работы – редкие исключения. Успешность ученого никак не зависит от его таланта или эта зависимость носит обратный характер. Научная работа обычно оценивается комиссией, состоящей из людей, которые или не могут или не хотят оценить ее оригинальность и важность, особенно в случае, когда эта работа сложнее и труднее для понимания, чем собственные работы членов комиссии. Эти люди тратят на заседания львиную долю своего драгоценного времени, и они не обязаны уделять слишком много времени особо трудным случаям.

Таким образом, членство в банде или клане дает ученому возможность обходить стороной оценку его работы по заслугам. Для получения таких стипендий, грантов, стажировок и других наград, имеющих свой финансовый эквивалент, которые требуют рекомендаций от авторитетных коллег, ученому нужна надежная связь с теми членами банды, которые всегда от всего сердца готовы поддержать и лично его, и его проект. Данная поддержка, конечно, зависит от качества конкретного проекта, однако решающую роль в ее получении чаще всего играет чувство преданности своему собрату по банде.

«Братская» поддержка иногда оказывается не из соображений сиюминутной личной выгоды. С одной стороны, помогающий знает, что в следующий раз точно так же помогут и ему. С другой – он искренне верит в те добродетели своего коллеги, о которых он пишет в рекомендательном письме; если же у него есть какие-то сомнения, они более или менее сглаживаются острым чувством привязанности к банде.

Большинство заявок на получение грантов отбираются анонимным коллективом исследователей, которые не имеют возможности установить личность заявителя. Однако принадлежность последнего к банде и клану и здесь играет свою роль. Искусный кандидат формулирует заявку таким образом, чтобы безошибочно подать сигналы, указывающие на свою принадлежность к той или иной банде и клану. Если вы член психоаналитической банды, то в вашей заявке будет часто цитироваться Фрейд. Это беспроигрышная тактика,

если вам заранее известно, что все члены комиссии являются членами одной банды. В случае, когда комиссия состоит из представителей разных банд и кланов, вы можете надеяться на то, что они согласятся с суждениями ваших товарищей по банде, находящихся в комиссии.

Преданность членов банды друг другу и негласным правилам банды вполне сравнимы по своей силе с чувствами, испытываемыми уличными бандитами. К счастью, научные банды используют слова, а не пули - в противном случае уровень смертности в академических бандах сравнялся бы со смертностью по причине криминальных разборок.

Как членство в научном сообществе используется для получения финансовой выгоды, вполне понятно. Остается не совсем ясным, каким образом в банде достигается эмоциональное вознаграждение и формируется ощущение благополучия. Для того, что ответить на этот вопрос, необходимо понимать, что мы живем в цивилизации, в которой сложно достигнуть надежных и удовлетворяющих отношений с другими, даже если для этого созданы наилучшие условия. Постоянно растущий уровень разводов – один из показателей того, что это действительно так.

Во многих отношениях профессорский труд - крайне одинокий вид деятельности. Огромную часть своего времени - при проведении исследований и написании научных работ - профессор проводит в одиночестве. Его контакты со студентами и коллегами ограничены кругом рутинных дел и занимают очень незначительную часть его рабочего времени. Встречи с аспирантами, которые, по сравнению с другими студентами, получают больше его внимания, - тоже всего лишь часть его работы. Товарищеские отношения в лабораториях, библиотеках и офисах встречаются крайне редко. Без поддержки банды или клана большинство профессоров оказались бы полностью замкнуты на своей работе и изолированы от внешнего мира.

Подобная изоляция уникальна в своем роде. Основная задача ученого состоит в поиске новых и зачастую высокоспециализированных знаний. Получение такого рода знаний важно не только для карьерного роста ученого, эта деятельность оказывается в центре его трудовой деятельности, а зачастую и в центре всей его жизни. Работа становится для него ключевым элементом его идентичности. А поскольку ученому практически не с кем поделиться радостью от своих научных находок, поиск эзотерических знаний – процесс, ведущий, возможно, к неизбежной и полной изоляции. Чем более успешны поиски, тем сильнее на ученого давит груз знаний, которые отделяют его практически от всех окружающих.

Эмоциональная функция банды и клана состоит в снятии гнета изоляции, связанного с поиском и хранением эзотерического знания. У ученых (особенно в социальных и гуманитарных науках) практически отсутствует ясное восприятие проблем реального мира, которое могло бы служить основанием для общих интересов. По существу, научные банды и кланы создают искусственный и очень затягивающий в себя круг проблем и практик, дающий их членам ощущение единства. Члены банды практически не общаются на личные темы, однако они могут достаточно гармонично работать вместе над проблемами своей банды и клана. Эти проблемы и создают сообщество, без них его неизбежно ждет полный распад.

Принимая во внимание то, что было сказано выше об эмоциональных и материальных нуждах профессуры, большинство из того, что происходит в процессе преподавания и исследований превращается в ритуал, предназначенный для поддержания групповой и клановой идентичности. Так членство в банде и клане становится объектом гордости само по себе, а реальные результаты научной деятельности отступают на второй план. Эта идея объясняет возникновение огромного числа явных и скрытых скандалов в академическом сообществе. Она же полностью объясняет то, почему профессура старается сохранять такую шокирующую дистанцию между собой и своими студентами (особенно студентами младших курсов) - в основании интересов лектора находятся проблемы его специальности или клана, которые не значат ровном счетом ничего для студентов.

В качестве примера интеллектуального доминирования клана можно привести центральное значение, которое в современной экономической науке начали занимать математические модели, несмотря на их доказанную бесполезность в решении реальных проблем. Отсутствие эмпирически верифицированного экономического знания было подтверждено ужасающе плохими советами экономистов, которые были предоставлены России и республикам бывшего СССР.

Другой пример – фиксированность академических психологов на лабораторных экспериментах, субъектами в которых выступают студенты. Несмотря на давно очевидную бесполезность полученных таким образом знаний для ученых, практиков и кого бы то ни было, признаки прекращения такого рода деятельности отсутствуют.

И последний пример – недавняя причуда постмодернизма, как стихийное бедствие охватившего все гуманитарные науки. Основатели течения, авторы вроде Деррида утверждают, что если вы удалите вербальное утверждение из его

контекста, его значение становится неясным и неразрешимым. Данное утверждение является верным и важным, оно напоминает нам о том, что вербальные выражения во всех языках многозначны и потому полностью зависят от контекста, и лишь такие искусственные языки как алгебра и языки, на которых написаны компьютерные программы, лишены двусмысленности и, таким образом, контекстуально инвариантны.

Однако постмодернисты игнорировали этот определяющий тезис и способствовали приливу исследований, абсурдно предполагающих неразрешимость сложных вербальных утверждений. Однако, несмотря на часто неправильное понимание дискурса обыденной речи по причине сомнительности его вербальной части, люди тем не менее способны к его правильному восприятию, даже если форма дискурса чрезвычайно сложна - как в случаях использования афоризмов, аллегорий, шуток и т.д. Умелые пользователи языка устраняют двусмысленность, соотнося вербальное выражение с его контекстом. Постмодернизм – это «много шума из ничего», чванство, не имеющее ни научной ценности, ни оснований в реальности.

Предпосылки, лежащие в основании бихевиоризма, постмодернизма и других научных бандформирований и причины жесткого разграничения научных дисциплин либо тривиальны, либо абсурдны настолько, что можно предположить, что они связаны в первую очередь с эмоциональными потребностями членов банд. Чем абсурднее предпосылка, тем очевиднее, что принадлежность к банде - лишь вопрос эмоциональной привязанности, но никак не удовлетворения прагматических или материальных нужд ее членов. Члены банды и клана, таким образом, уверены в преданности друг другу независимо от того, какие научные взгляды они исповедуют и распространяют в обществе. Позор, с которым провалилась коммунистическая идея с распадом СССР и Восточного блока, никак не навредил научной банде марксистов, которая осталась целой и невредимой; многие из них при этом и глазом не моргнули.

В наше время не так просто достигнуть уверенности в чьей-то преданности; профессура лидирует по числу разводов в своем социальном классе. В мире, где надежная привязанность по отношению к другим считается в лучшем случае вещью несущественной, верность членов банды и клана друг другу пребудет вечно.

Изоляция, наложенная на профессуру ее деятельностью по добыванию специализированных знаний, объясняет негативный характер идентичности большинства банд и кланов. Физики любят повторять, что существует только

два вида химиков: физические химики и вонючие химики. Гуманитарии гордятся тем, что они не так безвкусны и бесчувственны как «естественники». Сила специалистов в области социальных наук покоится на фланге количественных методов, они проходят через невыносимые страдания для того, чтобы продемонстрировать отсутствие у себя «мягкотелости», якобы присущей гуманитариям. Социологи не уверены, в чем состоит предмет их исследования, но точно уверены, каким он *не* является – психологическим. Они проявляют верность структурным подходам и отвергают всяческие попытки включения в свои концепции психологических компонент, считая это «редукционизмом». Все вышеупомянутые терминологические ярлыки имеют за собой мало рационального обоснования и смысла и являются не больше чем эмблемами верности тому или иному клану.

Если допустить, что принадлежность к группе – главный источник эмоционального удовлетворения, получаемого членами банды, становится понятней природа негативной идентичности ее членов. Если банда или клан предпринимает попытку позитивной оценки «чужаков», появляется серьезный риск распада и разобщения сплоченной некогда группы. Лишенный риска способ поддержания этой сплоченности – атакование или, что проще, игнорирование других банд и кланов.

В этой атмосфере научный жаргон играет центральную роль в маркировании своей принадлежности к банде или клану. Часть научной терминологии взята из воздуха и не имеет под собой никакой эмпирической базы. Психоаналитическим понятиям «Ид» и «Супер-эго» никто никогда давал определений – ни Фрейд, ни кто-либо из его последователей. Использование этих смутных и гибких метафор продолжает смущать писателей и читателей, однако продолжает жить своей жизнью. Система диагностической классификации, созданная Американской психиатрической ассоциацией, представляется весьма условной, так как не имеет под собой научной базы. Несмотря на это, психиатры не высказывают жалобы по ее поводу. Вышеупомянутые классификации являются фикциями, функционирующими почти полностью как заветы верности банде и клану.

Длительное выживание системы классификации Карла Линнея в ботанике – еще один показательный пример использования жаргона в качестве указателя верности банде. Эта система была целиком дескриптивной и атеоретичной, основанной на внешних признаках растений, а не на теории, объединяющей формы и функции (периодическая таблица элементов, основанная на атомной теории – обратный пример). По этой причине, каждое открытие нового вида

растений путало всю схему. Уже давно подмечено, что традиционные, устоявшиеся классификации чрезмерно привлекают ученых. Мы объясняем это тем, что классификации выполняют роль символа верности клану.

Существует ли какой-нибудь выход из трясины академического бандитизма? Эта проблема трудноразрешима по той причине, что верность банде и клану напрямую связана с идентичностью членов этих групп. Одним из возможных решений этой проблемы может быть более широкопрофильная подготовка ученых параллельно с проведением реформ в системе образования. Расширение дисциплинарного поля, на котором происходит обучение аспирантов, включение в программу междисциплинарных учебных программ может способствовать улучшению как эмоционального, так и интеллектуального климата в академической среде. Все это позволило бы ученым общаться друг с другом вне зависимости от их специализации и преподаваемых ими дисциплин, быть может даже тогда у них появилась пара слов для студентов и публики.

Расширение дисциплинарных рамок аспирантского образования принесет в свое время интеллектуальные плоды. Мы живем в эпоху гиперспециализации, в которой ученый знает все больше о меньшем. Но как показало большинство важнейших открытий нашего времени, гиперспециализация – прямой путь к интеллектуальной и эмоциональной ущербности. Книга «Двойная спираль» Джеймса Уотсона [2] должна войти в список обязательной литературы для всех студентов-аспирантов, а не только для биологов. Поскольку научные банды являются скрытыми группировками, справиться с их распространением, возможно, окажется задачей более сложной, чем борьба с уличными бандами. Это, однако, не мешает нам, по крайней мере, открыто обсуждать данную проблему.

Литература

1. Anderson, Elijah (1994). The Code of the Streets. Atlantic Monthly, April.

2. Джеймс Уотсон (род. 1928) – нобелевский лауреат по физиологии и медицине (1960); в книге "Двойная спираль" (Watson, James. The Double Helix. New York: Norton, 1980) описывает историю своего открытия (совместно с Ф. Криком) молекулярной структуры ДНК.

Примечания

Томас Дж. Шефф (<http://sscf.ucsb.edu/~scheff/scheff.html>) – профессор социологии в Калифорнийском университете, Санта-Барбара. Автор книг «Быть психически больным: социологическая теория», «Микросоциология: дискурсы, эмоции и социальная структура», «Эмоции и насилие» (с С. Ретцингер), «Кровавая месть: эмоции, национализм и война» и др.; бывший председатель отделения Социологии эмоций Американской социологической ассоциации и президент Тихоокеанской социологической ассоциации.